

К ПРОБЛЕМЕ УКАЗАТЕЛЕЙ ЗАГОВОРОВ: КОЛИЧЕСТВО, КАЧЕСТВО И ПЕРСПЕКТИВЫ

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА ВОЛОДИНА

(Институт искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной академии наук Республики Беларусь: Республика Беларусь, 220002, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2)

Рецензия на: Восточнославянские заговоры: Материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов: Аннотированная библиография / Авт.-сост. Т. А. Агапкина, А. Л. Топорков. М.: «Индрик», 2014.

Количество фольклорно-этнографической литературы у восточных славян за последние десятилетия не просто растет, а достигает едва ли не критической массы, когда размывается общее представление о том или ином жанре. Относится это и к заговорно-заклинательной традиции, где положение дел в значительной степени усугубляется ростом популярности околонучной литературы типа «народных лечебников», «сам себе докторов» и др. Подобные издания оказывают воздействие на реальную народно-медицинскую практику в современной деревне, собиратели фиксируют и издают все новые сборники заговоров, транслируя уже модифицированную ситуацию. В целом источниковая база устных восточнославянских заговоров не просто расширена, но увеличена в несколько раз. Очевидный в данном случае не только количественный, но и качественный рывок осуществлен относительно рукописных заговоров, когда в научный оборот введен значительный объем ранее неизвестных текстов (см. обстоятельное издание заговоров из рукописных источников XVII — первой половины XIX в.: [Топорков 2010]). В ситуации продолжающегося накопления фактуры особенно остро встает проблема поиска новых исследовательских стратегий и приемов. На сегодня чрезвычайно эвристические возможности выявляет именно указатель как метод исследования заговорных сюжетов и мотивов, а соз-

дание национальных (региональных/локальных) указателей становится одним из самых перспективных направлений исследования магической вербальной практики. Свою роль в систематизации славянских заговоров уже сыграл «Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян» [Кляус 1997], продемонстрировавший разнообразие и богатство этой сферы традиционной культуры и в значительной степени стимулировавший интерес к исследованию заговорного слова.

Авторы книги, московские фольклористы Татьяна Агапкина и Андрей Топорков, имея богатый опыт многолетних полевых исследований традиций магического слова на Русском Севере, в Белоруссии и на Украине, к проблеме создания указателей заговорных сюжетов обратились уже довольно давно, вначале осуществив удачную и показательную попытку при подготовке издания «Полесские заговоры (в записях 1970–1990-х гг.)» [Полесские заговоры 2003], а затем подготовив специальный проект по созданию указателя заговорных сюжетов [Агапкина, Топорков 2007]. Во время дальнейшей работы, которая естественно шлифовала собственно подходы к созданию указателя, но также и пополняла фактологическую базу, расширяла возможности и обозначала новые пути систематизации, было подготовлено издание, которое авторы скромно назвали «материалами

к функциональному указателю сюжетов и мотивов». В предисловии оговаривается предварительный характер материалов, хотя систематизированные сюжеты и мотивы избранных 14 функциональных групп уже безусловно могут использоваться для поиска текстов и их научного исследования.

Первую часть книги составляют материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов лечебных, промысловых, воинских и социальных заговоров. Следует иметь в виду, что систематизируются не тексты заговоров в их цельном виде, но именно отдельные сюжеты и мотивы (примерно 45). Вычленение и формулировка единиц для указателя, экспликация сюжетной основы этих текстов несомненно сопряжены с определенными трудностями. Ведь заговоры — корпус текстов, объединяющий единицы довольно разные как в жанровом отношении — простейшие нарративы, заклинательные формулы, сложные тексты, — так и относительно совмещения в них элементов разных культурных традиций (устных и письменных). Единица описания в указателе зависит от группы. Так, для заговоров от лихорадки ключевым выступает сюжет (Сисиниевой легенды), а группа заговоров от кровотечения представлена довольно объемным набором отдельных мотивов. Реально в указателе систематизируются сюжеты, сюжетобразующие мотивы, мотивы, формулы, ритуалы-диалоги и др., т.е. единицы заговорной сюжетики во всем их многообразии.

Указатель лечебных заговоров (подготовленный Т.А. Агапкиной) опирается на однофункциональные сюжеты/мотивы, а это значит, что формируют заговоры конкретно только одной группы. Особенно трудоемким представляется описание многочисленных контaminaций, характерных для подавляющего количества систематизированных заговоров.

Одним из проблемных моментов стала временная ограниченность избранных для систематизации единиц. Так, в указателе включены отсылки к заговорным текстам, записанным до 1940 г. По мнению авторов, «... обращение к довоенным записям дает возможность описать традицию в более или менее органичных для нее условиях бытования, а также до того, как она попала под сильное влияние массовых печатных изданий и Интернета» (с. 14). В то же время максимально учитываются современные издания старых рукописных заговоров. Видимо, для российской действительности дела обстоят именно так, но относительно белорусской ситуации процессы трансформации

заговорной традиции начались гораздо позже, влияние книг и Интернета стало явственно ощущаться пожалуй, последнее одно-два десятилетия. В целом можно утверждать, что практика врачевания заговорами в белорусской глубинке жива и сегодня, с каждой экспедицией коллекции заговоров пополняются не только короткими, редуцированными текстами, но и развернутыми классическими вариантами. Довольно существенно и еще одно обстоятельство: территория Белоруссии, какой бы малой ни была, до войны на предмет записи заговоров была обследована крайне неравномерно. Так, Центральная Беларусь, Западное Полесье и Понёманье практически выпадают, «повезло», прежде всего, Поднепровью с фундаментальным сбором Евдокима Романова. Поэтому белорусская часть в отсылках к отдельным мотивам так и просится быть дополненной записями второй половины XX — начала XXI в.

Очевидно, что и богатый исследовательский опыт подталкивает Т.А. Агапкину к обращению при описании отдельных мотивов к послевоенным записям. Действительно, в ряде случаев включение современных данных значительно корректирует довоенную картину. Это хорошо показано, например, в ссылках к мотиву заговоров от ночниц: «Дерево (лес, лесные демоны); у тебя ребенок, и у меня ребенок; давай породнимся и обменяем крик на сон», когда один пример из сборника Романова дополнен представительным рядом современных записей. В то же время внимание к динамике фиксации позволяет проследить распространение (в том числе и благодаря книжным источникам) отдельных сюжетов, как это произошло с краткими, легко запоминающимися заклинательными формулами от ячменя на глазу.

Материалы указателя уже на данном этапе открывают возможности для исследования путей распространения того или иного мотива и в значительной степени его происхождения. Так, преимущественная фиксация мотива «Пусть станет кровь в ране, как вода / Христос в Иордане» на белорусской и западноукраинской территориях или заговоров типа Второго Мерзебургского заклинания: «N шел / ехал верхом, лошадь вывихнула ногу + Сакральная персонаж заговаривает немощь + Пусть срастается / сходится кость с костью, сустав с суставом, жилка с жилкой, кровь с кровью» почти исключительно у белорусов, а также распространенность таких заговоров в польской и далее немецкой традициях позволяет судить о путях миграции. Заговорная формула

«Стань, кровь, в ране, как вода в Иордане» фиксируется на белорусских землях еще в лечебнике XVII в.: «Кровь и вода ишли по пути, и стретила сама святая богородица и рекла так: кровь, стой. И да вода поиди, не годит бос я крови ити. Стуй, кровь, як святыи Иордан стоит. Аминь»¹. Впоследствии она хорошо прижилась, популярна по сей день, и уже давно не чувствуется ее заимствования.

Авторы в предисловии обращаются к читателям с предложением дискуссионно относиться к принципам систематизации, на которые опирались при описании 1) лечебных и 2) промысловых/социальных групп заговоров. Безусловно, полнота проанализированных в разделах А. Л. Топоркова воинских, промысловых и социальных заговоров не может не вызывать восхищения, однако подобная работа на материале лечебных магических практик всех трех восточнославянских народов требовала бы титанически трудоемкой систематизации. В любом случае оба указателя построены по одному принципу — от функции заговора к сюжету, мотиву и формуле. Вообще сравнение указателей лечебных и промысловых или социальных заговоров не было бы корректным по той простой причине, что совершенно несопоставимо их количество, по крайней мере в белорусской традиции, где на один, скажем, текст сферы охотничьей магии приходится по меньшей мере тысяча лечебных заговоров. Поэтому если в отношении указателя промысловой группы уже можно было бы поставить точку, лечебные заговоры открывают пространство для пополнения указателя. Кажется, даже отдельные приведенные здесь мотивы, которые репрезентируют ту или иную функциональную группу, могли бы быть дополнены не менее весомыми. Например, функциональную группу «тяжелые роды» в указателе представляет книжный севернорусский мотив «Христос (видит в Иерусалиме рожавшую женщину) призывает младенца выйти вон», но просится быть названным и частотный мотив «Сакральный персонаж золотыми ключами отпирает царские врата / родовые пути и выпускает ребенка».

Для белорусских исследователей предложенная работа и безусловный стимул, и укор в том, что далеко не все еще отыскано и введено в научный оборот. Так, до сих пор нет работ, посвященных рукописной магической литературе белорусских земель, притом что русские рукописные заговоры всесторонне

проанализированы в книге, подготовленной А. Л. Топорковым. Поэтому и возникают категоричные выводы: «В Белоруссии рукописная традиция в целом была не развита; заговоры здесь фиксируются главным образом начиная с XIX в. и при этом исключительно в устной форме» (с. 50–51). Правда, на с. 220 авторы среди библиографии русских заговоров при описании «древнерусских лечебников» объективно обозначают: «Рукопись составлена на территории Литовской Руси (возможно, на территории современной Беларуси)». Эта рукопись под показательным названием «*Книга глаголемая лечебник Литовский*» действительно еще не оценена белорусскими фольклористами. Основу ее составляет большой отрывок под названием «Книги лечебныя от многих лекарев собранные о коренях и о зелиях», где описаны 106 лекарственных средств, прежде всего растительного происхождения, оговаривается, при каких заболеваниях их следует применять. О существовании средневековых зельников (лечебников) на белорусских землях сообщает и Е. Романов в статье «Из области белорусской народной медицины» [Романов 1902–1903]. К числу рукописных относится опубликованный им же сборник белорусских заговоров 1805–1819 гг., переписанных помещиком М. Далецким в Мстиславльском уезде [Романов 1901].

А. Л. Топорков подготовил фактически исчерпывающие указатели промысловых, воинских и социальных заговоров. Выделены пять функциональных групп заговоров охотничьего промысла, пять групп социальных заговоров: «А. Отправление в путь и чудесное одевание», «Б. На красоту, почет и общую радость», «В. На любовь и страстную привязанность», «Г. Защитить имярека от его недругов», «Д. Обезвредить судей и недругов имярека». В пределах каждой функциональной группы выделяются сюжетные типы и формулы. В разделе А. Л. Топоркова каждой группе предшествует развернутое вступление, где характеризуются основные особенности представленного корпуса.

Относительно лечебных заговоров весомым теоретическим обобщением выступает короткий комментарий в конце описания. Такая подача материала Т. А. Агапкиной обусловлена, прежде всего, тем, что недавно вышла ее фундаментальная монография автора [Агапкина 2010], где подробно излагаются характеристики каждой из представленных групп.

¹ [Древнерусский лечебник 1977, 115].

Если в комплексе лечебных восточнославянских заговоров белорусская традиция в отношении многообразия тем и мотивов не уступает соседним, то в разделах социальных заговоров дело диаметрально иное. И данный указатель — яркое тому свидетельство. В группе воинских заговоров доля белорусских мизерная, практически незаметна. В большинстве это тексты из сборника Романова, которые он (всего пять текстов) выписал из рукописного сборника (кстати!) 1830-х г., найденного в г. Сураже Витебской губ. И из более поздних фиксаций — заговор, записанный от нищего, который молился за фронтовиков, т. е. активной традиции военных заговоров на белорусских землях либо не было вовсе, либо она потеряна. И дело не в отсутствии военных действий, как раз через Белоруссию прокатилась не одна война, а в том, что белорусы до конца XVIII в. не знали рекрутчины. В Речи Посполитой войско комплектовалось по сословному принципу. Образ армии, рекрутского набора, отраженный в жанре рекрутских песен, насквозь негативен, в то время как в русской традиции формируется жанр солдатских песен, бравурных, ура-патриотических и т. д.

Вторая часть книги, посвященная истории публикации русских, украинских и белорусских заговоров, открывается обзором основных периодов и тенденций в собирании и публикации магического фольклора. Как показывает в предваряющем библиографию обзоре А. Л. Топорков, в истории публикации заговоров у русских, украинцев и белорусов можно выделить три крупных периода: «дореволюционный» (до 1917 г.), «советский» (с 1918 по 1991 г.) и «постсоветский» (с 1992 г.), — определяемых политической историей восточнославянских народов. Отношение к заговорам довольно точно отражает перипетии общественной жизни: если в дореволюционный и постсоветский периоды заговоры собирались и исследовались довольно успешно, в советское время они находились фактически под запретом.

Настоящим подарком исследователю стала представленная здесь аннотированная

библиография белорусских, русских и украинских заговоров за последние 200 лет. Все публикации описаны по единой схеме, причем указаны функции всех текстов. А это значит, что читатель может самостоятельно найти не только описание публикации, но и все заговоры той или иной функциональной направленности. В список включено 650 источников, из них около 450 русских, 150 украинских и 50 белорусских. 50 источников с белорусских земель против 450 из русских и втрое меньше, чем с украинских, выглядели бы слишком скромно, если бы не количественное соотношение: здесь расписано приблизительно 16 700 русских текстов, 3850 украинских и 10 200 белорусских, что указывает на достаточное количество введенных в научный оборот единиц белорусской вербальной магии. Поскольку большое количество источников, описанных в указателе, в настоящее время доступны в сети, перед читателем открывается возможность быстро переходить от сюжетно-мотивного указателя к аннотированной библиографии, а от нее — к самому источнику, размещенному в Интернете. Заслуживает уважения авторская позиция, согласно которой региональные традиции относятся к разделам русских, белорусских или украинских заговоров не по сегодняшней административной принадлежности, а согласно языку. Так, подборка смоленских заговоров В. Н. Добровольского справедливо отнесена к белорусским.

Хочется думать, что представленная книга — еще один шаг на пути создания и международного указателя заговоров, проект которого авторы уже предлагали и насущность которого ощущается необычайно остро. В целом же перед нами замечательная книга, которая уже стала удобным и надежным справочным пособием. Но важнее то, что эта книга, которая принадлежит к редкому типу изданий, стимулирующих собирательскую деятельность и научные изыскания и самым решительным образом подталкивающих к продолжению конкретной работы.

Литература

Агапкина, Топорков 2007 — Агапкина Т. А., Топорков А. Л. Указатели заговоров: проблемы и перспективы // Традиционная культура. 2007. № 2. С. 59–73.

Агапкина 2010 — Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира. М., 2010.

Древнерусский лечебник 1977 — Древнерусский лечебник // Редкие источники по истории России / Под ред. А. А. Новосельского и Л. Н. Пушкарева. М., 1977. С. 15–161.

Кляус 1997 — Кляус В. Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997.

Полесские заговоры 2003 — Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.) / Сост.,

подгот. текстов и коммент. Т. А. Агапкиной, Е. Е. Левкиевской, А. Л. Топоркова. М., 2003.

Романов 1901 — Романов Е. Сборник белорусских заговоров начала XIX века // Могилевская старина. Вып. 2. Могилев, 1901. С. 6.

Романов 1902–1903 — Романов Е. Из области белорусской народной медицины // Могилевская старина: Сб. ст. «Могилевских губернских ведомостей» / Под ред. Е. П. Романова. Вып. 3. 1902–1903. С. 107–124.

Топорков 2010 — Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / Сост., подгот. текстов, ст. и коммент. А. Л. Топоркова. М., 2010.

Топорков 2010 — Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / Сост., подгот. текстов, ст. и коммент. А. Л. Топоркова. М., 2010.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной академии наук Белоруссии: Республика Беларусь, 220002, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; тел.: +7 (1037517) 284-25-89; e-mail: tanja_volodina@tut.by

TO THE PROBLEM OF INDEXES OF CHARMS: QUALITY, QUANTITY AND OUTLOOKS

TAT'YANA VOLODINA

(Institute of Studies of Arts, Ethnography and Folklore of the National Academy of Sciences of Belarus': 1–2, Surganova str., Minsk, 220072, Belarus' Republic)

Review on: East-Slavic Charms: Materials for the Functional Index of Plots and Motifs. An Annotated Bibliography by T. A. Agapkina, A. L. Toporkov. Moscow: "Indrik", 2014.

References

Agapkina T. A., Toporkov A. L. (2007) Ukazateli zagovorov: problemy i perspektivy [Indexes of Charms: Problems and Perspectives]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2007. No. 2. Moscow. Pp. 59–73. In Russian.

Agapkina T. A. (2010) Vostochnoslavjanskije lecebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii. Syuzhetika i obraz mira [East-Slavic Healing Charms in the Comparative Light. Plots and World-View]. Moscow. In Russian.

Drevnerusskij lečebnik (1977) [Old Russian Leech Book]. *Redkie istočniki po istorii Rossii* [Rare Sources for History of Russia]. Ed. by Novoseľ'skiy A. A., Pushkarev L. N. Moscow. Pp. 115–151. In Russian.

Klyaus V. L. (1997) Ukazatel' syuzhetov i syuzhetnykh situatsiy zagovornykh tekstov vostochnykh i yuzhnykh slavjan [Index of Plots and Situations in Charm Texts among Eastern and Southern Slavs]. Moscow. In Russian.

Polesskie zagovory (z zapisyakh 1970–1990 gg.) (2003) [Polessye Charms (in Recordings from 1970–1990)]. Comp., text prep., comment. Agapkina T. A., Levkievskaya E. E., Toporkov A. L. Moscow. In Russian.

Romanov E. (1901) Sbornik belorusskikh zagovorov nachala XIX veka [Anthology of Belarusian Charms from the Beginning of the 19th Century]. *Mogilevskaya starina* [Mogilev Antiquity]. Issue 2. Mogilev, 1901. P. 6. In Russian.

Romanov E. (1902–1903) Iz oblasti belorusskoy narodnoy meditsiny [In the Field of Belarusian Folk Medicine]. *Mogilevskaya starina* [Mogilev Antiquity]. 1902–1903. Issue 3. Mogilev. Pp. 107–124. In Russian.

Russkie zagovory iz rukopisnykh istočnikov XVII — pervoy poloviny XIX v. (2010) [Russian Charms from Hand-Written Sources from the 17th — first half of the 19th Century]. Comp., text prep., preface, comments by A. L. Toporkov. Moscow. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: tanja_volodina@tut.by

Tel. +7 (1037517) 284-25-89

1–2, Surganova str., Minsk, 220072, Belarus' Republic

PhD (Philology), senior researcher, Institute of Studies of Arts, Ethnography and Folklore of the National Academy of Sciences of Belarus'
